

Автор:

Бурусов Артём Евгеньевич

ученик 11 класса

Муниципального бюджетного образовательного учреждения

Садовской средней общеобразовательной школы

Ульяновская область Новоспасский район с.Садовое

БУРУСОВ АРТЁМ О БРАТЕ СВОЕЙ БАБУШКИ КАМСКОВЕ КУЗЬМЕ ВАСИЛЬЕВИЧЕ И НЕКОТОРЫХ ВОЕННЫХ РЕЛИКВИЯХ

КАМСКОВ КУЗЬМА ВАСИЛЬЕВИЧ – ВОИН И НАСТАВНИК ИЛИ СУНГУРСКИЙ «МАКАРЫЧ»

Камсков Кузьма родился в селе Троицкий Сунгур 26 октября 1922 года. Вырос в большущей трудовой семье, имея брата Фёдора и шестерых сестричек. Удивительным образом сложилась судьба этого человека. Юность сунгурского паренька была отдана ратному подвигу. Сын Новоспасской земли защищал Родину в числе доблестных советских авиаторов. А после войны сеял разумное, доброе, вечное в сердцах подрастающего поколения соседнего с нашим районом – Кузоватовского.

К началу Великой Отечественной войны Кузьма Васильевич, которому в 1941 году едва минуло девятнадцать лет, был уже опытным трактористом, не один год проработавшим на своём верном «СТЗ» на сунгурских раздольях. Поэтому когда он призывался в ряды Красной Армии, думал, что ему предстоит сменить мирный трактор на боевую машину и стать танкистом.

Но судьба распорядилась иначе. То ли особую смекалку заметили в деревенском пареньке, то ли необычную любознательность, искорку в живых

глазах, но только решено было направить его в Вольское авиационное училище.

Занятия в училище велись по ускоренной программе. Печально памятный начальный этап войны требовал и форсированной подготовки кадров лётчиков и техников, и обновления самолётного парка машин. Так что уже через год Кузьма Васильевич получил неведомую им ранее специальность авиатехника.

Особый гвардейский авиаполк, куда был направлен новоиспечённый авиатехник, занимался разведывательными операциями и аэросъёмкой объектов и коммуникаций противника на пути жестоких боёв 1-го Украинского и 2-го Белорусского фронтов. Авиаполк прокладывал дорогу наступающей армии. Но пришла пора принять участие и в непосредственных боевых операциях.

День за днём, месяц за месяцем всё дальше на запад отодвигалась линия фронта. Добросовестно нёс службу авиамеханик Кузьма Камсков, в полном порядке выпускал «свои» самолёты, чтобы громить ненавистного врага.

Самым тяжёлым тогда было, когда самолёт не возвращался с боевого задания. Вроде бы и понимал Кузьма, что не его вина в том. Война есть война. А всё же долго лежал на сердце горький осадок от неизбежных потерь ребят родной эскадрильи. Все помнят легендарный фильм Леонида Быкова о советских летунах под названием «В бой идут одни старики...». Наверняка, всем глубоко симпатичен образ авиатехника в этом фильме – Макарыча. Отношения между авиатехниками и лётчиками, открытые в фильме, это почти родственные отношения между людьми спаянными общим делом, которые выстраивались в жизни (больше, чем в фильме) в тугую связующую нить. Таким вот - «Макарычем» - юным, но опытным, заботливым, сроднившимся с боевыми товарищами был парень из Троицкого Сунгура.

Позднее множество раз приходилось самому Кузьме Васильевичу подниматься в воздух в качестве бортмеханика, принимать самое непосредствен-

ное участие в оказании помощи украинским и белорусским народным мстителям.

Немало боевых сражений на памяти Кузьмы Камскова. Авиаполк, в котором он служил, принимал участие в освобождении героического города Смоленска, столицы Белоруссии - Минска, города Борисова и других.

После демобилизации Кузьма Васильевич трудился в родном Сунгуре, здесь же нашёл свою спутницу жизни. В начале 50-х гг. семья Камсковых переехала в Кузоватово. С 1953 года Кузьма Васильевич Камсков трудился мастером производственного обучения в Кузоватовском профессионально-техническом училище. Не одно поколение сельских механизаторов подготовил он для полей района. Были среди его бывших учеников и знатные хлеборобы, ударники труда. Жертвуя собой на войне, он жертвовал свои силы на детей, пребывая первым наставником тружеников, растящих хлеб. Какая яркая, честная, плодотворная и насыщенная ратным и мирным трудом человеческая биография! Его – невысокого, седоволосого, но полного энергии и живого энтузиазма человека, в котором долго жил задор девятнадцатилетнего парня - в Кузоватове знали все. Он вспоминал свои военные будни, напевая при этом разудалый куплет песни: «Первым делом, первым делом - самолёты...».

Каждый год в День Победы надевал почётный ветеран войны свои боевые награды, среди которых: медали «За взятие Кенигсберга» и «За победу над Германией». За свой мирный, подвижнический труд Кузьма Васильевич был награждён медалью «Ветеран труда».

Его не стало 26 сентября 1991 года. Искренне жаль, что ему не суждено было дожить до светлого, долгожданного и юбилейного 65-летия Победы. Потому что для каждого фронтовика Победа – не книжное, а живое торжество, личная Победа, которой они щедро поделились с потомками, заслужив её как никто другой.

Одна из сестёр Кузьмы Камскова – Бурусова Пелагея Васильевна, в семье которой бережно и трепетно хранят военную реликвию, подаренную Кузьмой Васильевичем сестре. Это лицевая маска боевого лётчика, которую Кузьма привёз с фронта и подарил семнадцатилетней Поле, не предполагая, что эта вещица сослужит Полине Васильевне добрую службу в последующие годы. Кузьма Васильевич следующим образом объяснял назначение этой маски для лётчиков. Экипировка военного лётчика была не особенно сложной. На ногах – сапоги, зимой – утеплённые унты. В гимнастёрках или прямо в комбинезонах летали советские асы. Зимой утеплялись кожаной на меху курткой с воротником, который пилоты недолюбливали, так как во время боя приходилось вертеть головой по полному кругу в 360 градусов и при этом в кровь стирать себе шею. На голове был кожаный шлем с наушниками, а зимой особые шлемы, подбитые собачьей шерстью. Пилот садился в кабину самолёта уже с парашютом за спиной и пристёгивался поясными и плечевыми ремнями. Верхний колпак кабины над головой лётчика назывался – «фонарь». Так вот во время боя фонарь часто перекашивало и заклинивало. Чтобы не погибнуть вместе с самолётом и не сгореть заживо, надо было успеть катапультироваться. Поэтому, во-первых, лётчик часто пристёгивался только поясными ремнями, а, во-вторых, сдвигал «фонарь» на закрытие не до конца, чтобы в любой момент легко открыть себе выход и не оказаться в собственной машине как в ловушке. Но при сохранении зазора, особенно зимой, в кабине было студёно, и здесь выручала маска, которую одевали на лицо, крепя ремнями на затылке. Отверстия для глаз, рта и носа позволяли лётчику прекрасно всё обозревать и свободно дышать, а чувствительное к холоду лицо было спасено отличной кожей.

Сначала Пелагея Васильевна хранила эту маску как сувенир, а потом ей нашлось неожиданное и прямое применение. Долгие годы моя матушка работала в лесхозе. И в суровые зимы женская бригада, ей возглавляемая, наламывала в лесу тонны хвойных веток для переработки на витаминном заводе

лесхоза. Так для мамы маска стала непременным атрибутом её рабочей одежды и спасала теперь уже её от жутких морозов. Так что данная маска двойной доблести: на войне спасала героев лётчиков, а в мирное время женщин, которым не привыкать выполнять тяжёлую мужскую работу. Теперь маска на заслуженном отдыхе, но как вещь уникальная, связанная с незабвенными страницами великих событий, имеет право на известность и признание.

На этих фотографиях сам Кузьма Васильевич Камсков (слева) и его племянник Бурусов Евгений Иванович (сын сестры Пелагеи) с именитой маской.

СЛОВО ПРИЗНАТЕЛЬНОГО ВНУКА (БУРУСОВА АРТЁМА) О СВОЕЙ ГЕРОИЧЕСКОЙ БАБУШКЕ – ТРУЖЕНИЦЕ ТЫЛА (БУРУСОВОЙ ПЕЛАГЕЕ ВАСИЛЬЕВНЕ)

МОЖЕТ ЛИ БЫТЬ ПОКОЛЕНЬЕ МОЛОДЫХ ПОХОЖИМ НА БАБУШЕК СВОИХ?

Моя бабушка – Бурусова Пелагея Васильевна родилась 20 мая 1928 года. Родилась и по сей день живёт в селе Троицкий Сунгур Новоспасского района нашей области. Вот - вот она отметит своё 84-летие. Несложно посчитать, что к началу Великой Отечественной войны ей исполнилось всего лишь 13 лет. В нашем нынешнем измерении – это школьница всего лишь шестого класса. Просто девчонка. Но по тыловым меркам военного времени это почти взрослый человек, поэтому все годы страшного ненастья бабушка проработала в колхозе наравне с взрослыми до своего совершеннолетия. Бабушка очень полно, в деталях помнит события, которым уже 67-71 год и если когда сетует на судьбу, то чаще вспоминает именно те страшные годы, как видно оставившие глубочайший след в её душе. Чем только ей, подростку, не приходилось заниматься, служа Отечеству в тылу. Она проходила сполна весь цикл сельскохозяйственных работ. Многие поля располагались в десятках километров от села. Так вот те поля распахивались уцелевшими в деревне тракторами. Но были поля, которые лежали прямо за околицей. Эти земли бабушка наряду с взрослыми раскапывали лопатами. Всё что сегодня кажется невероятным, военная година делала явлением обыденным и привычным. Когда поля были подготовлены, начиналась пора сева. Тогда бабуля становилась севцом. Становясь на сеялку, засыпала в неё зерно и вместе с машиной перемещалась за трактором, контролируя расход посевного материала. Бабушка вспоминает как однажды, не удержавшись на сеялке, сорвалась и упала на пашню, не сумев быстро подняться-

ся, а за сеялкой ещё были прицеплены бороны. Девушка, стоявшая на соседней машине (Шура Никитина), закричав истошным голосом, сумела обратить на себя внимание тракториста, который и сумел вовремя остановить трактор. К счастью всё обошлось, и моя прауродительница не покалечилась.

Когда хлеба поспевали, их начинали скашивать. Все виды покосов пришлось испытать бабушке в полной мере. Пшеницу и рожь она с взрослыми женщинами и своими сверстниками жали серпами, связывали в снопы и складывали в, как она говорит, «стоянки». Я как никто другой не понаслышке знаю, как умела и умеет трудиться моя бабушка и, безусловно, горжусь ею, когда она подчёркивает, что на покосных работах она всегда «шла передом». В первые годы войны на деревне стали появляться инвалиды и демобилизованные по ранению. Вернулся с войны по ранению и бабушкин брат – Фёдор Васильевич Камсков. Двое братьев Камсковых: Фёдор Васильевич и Кузьма Васильевич громили врагов на фронте (Фёдор Васильевич на земле в пехоте, а Кузьма Васильевич в небе на самолёте), их сёстры, моя бабушка в том числе, ковали победу в тылу – вся семья была мобилизованной. Баба Поля помнит, что с братом своим (Фёдором), а ещё дедом Архипом, другими комиссованными из Красной Армии, она косила рожь косой. Да не просто косой, а косой оборудованной грабельками, когда скошенная рожь не расстилалась по стерне, а укрепленными на косе грабельками аккуратно собиралась в скошенный валок.

Позднее, вспоминает бабушка, в колхозе появились конные жнейки. Она рассказывает, что односельчанин Минеев Илья правил лошадьми, а бабуля шла за жнейкой и откидывала скошенный хлеб в валок. Потом хлеб нужно было обмолотить. На краю поля были построены сараи, где и происходила молотба. Бабушка помнит, что были специальные молотильные машины с механическим двигателем. Так вот баба Поля при них была «задатчиком», то есть ей подавали заранее развязанный сноп хлеба, она его принимала и растряхивала в самое жерло бешено вращающегося молотильного колеса. Но часто случалось

так, что молотилка ломалась. И тогда работа продолжалась следующим образом. На утрамбованную площадку накладывали от 25 до 50 связанных снопов, шесть человек с цепями вставляли по кругу вокруг них (так называемый «шестерик») и начинали ручной обмолот зерна. После обмолота каждый «побитый» сноп поднимали и вытряхивали из него зерно в общую кучу. И ещё одну потрясающую подробность, как приметку того времени, я услышал от своей бабушки. Она помнит, что во время минутных перерывов при обмолоте женщины и подростки искали друг у друга надоедавших и раздражавших тело вшей.

Когда снопы были обмолочены, их надо было уложить в омет соломы. Так вот бабушка забиралась на самый верх растущей соломенной горы, а в длину омет, бывало, вырастал до 100 и более метров, принимала вилами подаваемые ей снопы соломы и аккуратно скирдовала, придавая омету неуязвимую для дождей форму. Затем зерно из полевых сараев перевозили на районный элеватор. Перевозили в основном на лошадях, быках и коровах (для коров изготавливалась специальная «коровья» упряжь). А на элеваторе мешки из телег отправлялись на сыпной пункт и каждый мешок, весивший более полуцентнера, переносили сами работяги. Взгромоздив мешок на плечо, надо было с предельной осторожностью, как канатоходцу, пройти по дощатым сходням-трапам, которые были уложены прямо по гигантским кучам зерна, не смея оступиться, иначе вместе с мешком окажешься по пояс в зерновом море, из которого трудно было выбраться. За добросовестный труд бабушке неоднократно на колхозных собраниях объявляли благодарности. А однажды, она запомнила это на всю жизнь, ей преподнести в качестве премии тапочки с кнопочками-застёжками и красную жилетку-безрукавку, которым она безмерно радовалась и страшно гордилась, оберегая подарки, как самую великую ценность. Теперь мне становится понятным, откуда у бабушки такое бережное отношение к любым вещам, предметам быта, благоговение перед крошками хлеба на столе после трапезы. Думаю, что это последствия, результаты и уроки тех страшных

лет, которые как самый профессиональный педагог сформировали такой характер бабушки, умеющей работать самой и ценящей труд других людей.

Кроме полевых работ приходилось выполнять и немало других. Утром бригадир «наряжал» каждого и каждую на какой-то участок работы, где работали от темна до темна. Сушить на току зерно, например. Кроме этого, вместе со своей матерью, моей прабабушкой – Камсковой Евдокией Ивановной, бабушка ходила в ночь караулить колхозных овец, принимая во время ночного дежурства приплод у животных. Ей даже пришлось поработать и на чисто мужских работах, хотя, по правде говоря, война не разбирает пола и возраста. Дивлюсь, как хрупкая девочка умудрялась работать на лесозаготовках. Баба Поля вспоминает, что она вместе с прибывшей в Троицкий Сунгур партией депортированных женщин из поволжских немцев (около 200 человек), во главе со стариками Наумом и Алексеем валили сосны. Деревья спиливали двуручными пилами «стахановками», затем при помощи лошадей раскряжёвывали, а потом перевозили в колхоз для последующей распиловки или перевозили на железнодорожную станцию в Новоспасское, где укладывали лес на платформы как дрова.

Вспомнишь нынешний комфорт, в котором живут мои современники и представляется, как невероятно трудно было выживать в военные годы. Трудодни практически не спасали. Налоги только отнимали. Чувство голода было неизменным спутником каждого. Великим подспорьем людей были коровы. Семья моей бабушки держала корову всю войну, а корова содержала семью и была кормилицей в буквальном смысле. Бабушка так и говорит: «Без коровы мы вряд ли бы выжили». По небольшой вязанке травы летом натаскивали корове корм на всю зиму периода стойлового содержания из низин и лощин.

Когда родитель бабушки и её братья воевали на фронте, в семье Камсковых остались 6 девчат и их мать – моя прабабушка. Эта женская бригада боролась за жизнь страны и за свою собственную как могла. Много выручал приусадебный участок земли, который распахивали по-настоящему на себе. Самая

старшая сестра, Елизавета, становилась в соху и превращалась в «коренника», как в лошадиной упряжке. Ей накидывали на шею и пропускали под мышки широкое (чтобы не натирало шею) полотенце, концы которого привязывали к оглоблям. Руками она держалась за те же оглобли. К каждой оглобле привязывали по паре веревок, за которые должны были тянуть другие четыре сестры – «пристяжные». А шестая становилась за рукоятки сохи и ... «пахота» - мучение, сравнимое с бурлацким трудом, начиналась. Так сажали картошку друг другу по очереди несколько семей объединившихся родственников.

Но даже в этих условиях, возможно, самых страшных лет прошлого века люди оставались людьми, верящими и надеющимися на лучший исход, умеющими хранить маленькие радости в дни великой скорби и испытаний. Один раз в год на селе устраивали так называемый «бабий праздник», во время которого женщины и девицы ходили по улицам села и пели песни. И жили удивительно дружно, помнит бабушка, сплочённо, сострадательно. Удивительно, что в страшном лихолетье, был какой-то фрагмент жизни, отмеченный позитивными эмоциями, надеждами. Частенько ходили друг к другу, сопереживали, ободряли совсем упавших духом, целые избы наполнились людьми отзывчивыми к чужому горю и радости.

Во время своего рассказа бабушка часто повторяла одну и ту же фразу: «Пережили, нечего сказать». И надолго замолкает, как будто снова и снова прокручивая в памяти своё детство, которое было израсходовано на очень взрослую, ответственную и патриотическую до самопожертвования работу. Детство рано повзрослевших детей, детство, отнятое войной, которое сегодня сидит в душе и сердце колючей иголкой страшной памяти. Думаю, что живым свидетелям великого одоления страшного врага сказать-то как раз есть что и пока не поздно, нужно это сделать. 20 мая 2012 года моей героической, выжившей в тыловом аду бабушке (девочке по сути в сороковые годы) исполнится 84 года. 8 марта 2010 года ей была вручена памятная юбилейная медаль ве-

терана тыла к 65-летию Великой Победы. Это замечательно, что неприметных героев (а долг наш сегодня и состоит в том, чтобы безвестные стали ведомыми), вершивших по большому счёту мировую историю, помнит страна, сын, дочь, внуки, близкие и знакомые люди. Неугасающая память – это наилучшая форма благодарности ветеранам войны и труженикам тыла. Годы детства и юности бабушки стали временем исполнения патриотической миссии по спасению Родины. Маленькие сельские титаны не позволили опрокинуть мир в ад. Дай Бог нам, их потомкам, соответствовать величию, масштабности и светлости их подвига.

Сегодня страна в мучениях ищет национальную, объединяющую всех идею. Может быть она рядом, а мы её приметить не можем или не хотим. В нашей памяти, признании, когда-то великих, а ныне немощных стариков, которые сумели прожить свой век, настолько достойно, как-то особо по-человечески, что их судьбы стали вечным наставником для россиянина любой эпохи, любого грядущего века.

ПРАДЕД, Я ГОРЖУСЬ ТОБОЙ И ХОЧУ БЫТЬ ПОХОЖИМ НА ТЕБЯ
ПРАВНУК (БУРУСОВ АРТЁМ) О СОЛДАТЕ ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ (БУ-
РУСОВЕ ФИРСЕ НИКОЛАЕВИЧЕ)

Среди «Дней воинской славы» (победных дней великой России) есть день – 2 февраля, который является днём разгрома советскими войсками немецко-фашистских войск в Сталинградской битве (1943 год). Шестьдесят девять лет назад прогремела на земле эта битва Мужества и Героизма. И столько же времени нет среди живых моего прадеда, участника тех исторических событий. Прадедущка лишь на месяц пережил битву под Сталинградом.

К пятидесятилетию Победы нашего народа в Великой Отечественной войне в Ульяновской области была издана «Книга Памяти». В восьмом томе, на странице 356-й читаю: «Бурусов Фирс Николаевич, 1903 года рождения, село Троицкий Сунгур, Новоспасского района, Ульяновской области. Русский. Призван в СА в 1941 году Новоспасским РВК. Красноармеец. Погиб в бою 9 марта 1943 года». Эти скупые строчки памяти о моём прадедущке. А рядом с ними в этом и других томах «Книги Памяти» тысячи и тысячи имён и фамилий, погибших или умерших от ран. И тогда ужасное число – 27 миллионов потерянных в войне жизней, перестаёт быть просто цифрами, а как бы наполняется конкретными судьбами прадедущек, дедушек и бабушек нынешних молодых людей. И тогда мне становится понятным, почему почти всем моим одноклассникам, сверстникам, есть, кого поискать в «Книге Памяти» и скорби.

А я – Бурусов Артём, правнук Фирса Николаевича Бурусова. Если начинать считать от прадеда, то я – представитель четвёртого поколения нашей фамилии. И вот что заставляет меня задуматься. В 2012 году исполнится 71 год с момента начала Великой Отечественной войны. Значит, на этом отрезке времени уместилось четыре поколения нашего рода: прадедущка, дедушка, мой отец и я – 1993 года рождения. Спрашиваю себя: а не маловато ли для четырёх

колен? Но объяснение напрашивается само собой. Фирс Николаевич погиб на фронте всего лишь сорокалетним человеком. Страшное в этой статистике и то, что моему папе сегодня 48 лет, а, значит, он – внук Фирса Николаевича, уже стал старше своего деда. Чудовищно, нелепо и неправильно. Мы живём уже в двадцать первом веке, но боль утраты благополучно перешла и в новый век. Война до сих пор не отпускает от себя потомков своих многочисленных жертв.

В доме моей бабушки, которая живёт в селе Троицкий Сунгур, уже лет семьдесят висит на стене большой портрет Фирса Николаевича Бурусова. Прадед был снят в светлой рубашке и тёмном пиджаке, с аккуратно зачёсанными назад волосами. А взгляд у него такой строгий, как будто с укором смотрит или спросить чего-то хочет. Бывает, что нелегко поднять глаза на него, прадедущка вроде как оценивает твою сегодняшнюю жизнь и вот-вот заговорит, спросив: «А как ты живёшь нынче, правнук? То ли ты делаешь? Так ли?» Мне рассказывали родственники, что Фирс Николаевич был статным, дородным, самостоятельным и надёжным человеком, крепким хозяином. Я пытаюсь представить себе, а смог бы я пережить и выдержать то, что выпало на долю прадеда, что бы я чувствовал на его месте в те годы. Пытаюсь в мыслях пройти, пережить самый главный отрезок его биографии – военный. И так, если бы я был на месте прадедущки...

Я родился в 1903 году, а это уже был приговор. Моя жизнь не могла быть лёгкой, потому что я знаю, теперь, какие события потрясли Россию в начале двадцатого века: мне два года, а в стране революция и страна воюет с Японией, потом первая мировая война (мне 11 лет), далее две революции 1917 года (Февральская и Октябрьская) (мне 14 лет), из революции страна шагнула в пекло гражданской войны (по её окончании мне 17 лет), в годы коллективизации я - уже зрелый мужчина. В двадцатые годы я обзавёлся семьёй, хозяйствовал, у меня появились сын Иван и дочь Груня. Работать я умел и поэтому не бедствовал. И только всё начинало налаживаться, когда впереди была целая

жизнь, внуки и правнуки, пришёл 1941 год. Мне тридцать восемь лет. Не юнец, но и в старики не запишешь, зрелый, взрослый мужик. Очень скоро пришла повестка из военкомата, оделся я в казённое обмундирование, собрал вещмешок и начал прощаться. Мои домочадцы прибыли провожать меня на железнодорожную станцию. Моему сыну Ивану в тот роковой год исполнилось тринадцать лет. Попрощался с женой, детьми, скоро эшелон тронулся, а я снял пилотку с головы и, высунувшись в проём, махал своим. Махал и плакал и сын Ванюшка плакал, размазывая по щекам слёзы кулаком. И долго мы видели друг друга, пока в глазах не заломило от боли. А я всё не мог сдержать слёз, как - будто предчувствовал, что оставляю самых родных мне людей уже навсегда. Обо всём этом мне рассказал мой отец, а ему – мой дедушка Иван Фирсович, тогда 13-й паренёк. Дед всегда, рассказывая об этом эпизоде, плакал по-мужски, коротко, но очень горько.

Наверняка, я, уезжая в неизвестность, простился бы также. Всё, мирная жизнь осталась позади, теперь есть только одно главное дело для всех - разбить непрошенных гостей. Теперь я – красноармеец. Очень скоро командование выяснило, что я деревенский, что многие годы содержал лошадей и знаю все тонкости лошадиной души. Так я и стал ездовым, развозчиком военно-полевой кухни. Сколько же ездов было сделано по передовой? Наверное, счёт идёт на тысячи. Скольких же своих родных ребят, однополчан я смог накормить за два года, самых страшных года войны. Из каких только передраг не выходил, всё везло, да и воевать научился, опыт появился. Лошади – они как люди, всё понимают, только страх свой сдержать не умеют, пугаются. Я с ними был как одно целое. Малейшее моё движение, интонации в голосе, они понимали сразу. Самое сложное было мчаться по передовой, по открытому пространству, где нет ни кустика, ни дерева, всё кругом простреливается и в окоп не заляжешь, бойцы ждут. Только ты и лошади - прекрасные мишени для вражеской авиации и артиллерии. И всё как-то получалось гладко до поры до времени, всё обманы-

вал судьбу. Довольны были мои боевые товарищи и с нетерпением ждали меня на позициях, а я их не подводил.

Самое страшное пришлось пережить тогда, когда нашу часть перебросили под Сталинград. Вот здесь было по-настоящему страшно. Если рассказы про ад правдоподобны, то они не могут равняться с тем, что удалось пережить нам. Подо мной были убиты несколько упряжек лошадей и я с товарищами боевыми делил окопную жизнь. Валились с ног, теряли чувство реальности, видели, как у артиллеристов от интенсивной стрельбы раскалялись стволы пушек и огонь вести было невозможно, теряли своих однополчан и рассказы о конце света не казались выдумкой. Как выжил тогда, не понимаю. После такого уже ничего не страшно, потому что ничего страшнее просто быть не может. Думал, ну, вот, самое опасное позади и теперь я как заговорённый, вроде. Победившие под Сталинградом – люди с особой отметиной, с особой военной рекомендацией, самой высшей на свете. И горше становится от того, что, пройдя Сталинград, нашёлся роковой случай и на меня. Уцелеть под Сталинградом и...

В дни весенней распутицы 9 марта 1943 года всё оборвалось. Я снова ездовой. Дороги раскисли, лошади устали, идут, но еле-еле, до своих недалеко, а тут «мессеры» налетели и начали в «догонялки» с нами играть. Я пытаюсь с лошадьми в леске укрыться, а немцы перед нами бомбы кладут, не пускают. Я и уговаривал лошадей, мол, выручайте, родимые, и кричал, и понукал, но не получилось у нас скрыться. И уже вылетела из бомболока та бомба, нам предназначенная, погибель наша, от которой не отвернуться, не спрятаться невозможно. Помню яркий свет, потом боль нестерпимую. Всё произошло мгновенно. Даже своих толком не успел вспомнить, не суждено было. Только мысль мелькнула: «Простите, братушки, что сегодня я оставил вас без обеда». В моём помутневшем сознании картина: на поле лежали развороченные взрывом лошади, по земле раскидана островками, дымящаяся ещё солдатская каша, и я, но

уже не я, меня больше нет в списках живых, наверное, душа моя сделала прощальный круг над моим последним земным пристанищем.

Дорогой мой, Фирс Николаевич, прадед мой неведомый, которого я знаю только по фотографии, как бы я хотел помочь тебе тогда, в самый страшный миг твоей солдатской жизни, отвратить этот миг, дотянуть до спасительного леса, стать твоим ангелом-хранителем. Ведь тогда бы дед мой Иван не остался сиротой и отца моего ты бы ещё успел понянчить. В год его рождения тебе был бы всего 61 год. И сколько бы ты ещё важного и нужного успел сделать. Нет, других слов для войны, кроме как «проклятая» и «подлая» не найти. По какому такому праву фашисты отняли тебя у жены, детей, внуков и правнуков? Кто им дал такое право кромсать чужое счастье?

И навсегда в сердцах родных поселилась боль. В Троицкий Сунгур на имя прабабушки Поли пришла похоронка. Какая страшная, чёрная, нечеловеческая энергия в строчках командирского письма: «Ваш муж погиб в бою у села Сквородниково». А дальше глубокое чувство утраты, а ещё память. Вечная скорбь и светлая память.

Спрашиваю себя: «А ты, правнук, ты бы смог, не струсил бы, не прятался бы за спины?» Вот прадед выдержал свой главный жизненный экзамен и ему не в чем себя упрекнуть. Но мы с ним одного корня, одного рода, одной крови, а, значит, зная, как он жил, служил, воевал, по-другому мне уже нельзя. Память о Фирсе Николаевиче не позволит, глаза его с портрета не позволят, да я и сам себе не позволю жить по-другому, не смогу предать светлую память прадеда, погибшего за меня и за всех людей.

Прадед! Я люблю тебя, я горжусь тобой. Ты герой и тебя помнит Родина и люди, а больше других – близкие. Я не знал тебя, Фирс Николаевич, но я тебя чувствую и как самую бесценную реликвию нашей семьи буду передавать своим потомкам рассказы о тебе, простом и великом солдате небывалой на свете войны, который не осрамил, не запятнал честь фамилии, а геройски погиб за

Отечество. Я прошу прощения у тебя. Нам всем сегодняшним есть в чём повиниться и покаяться перед тобой и твоими боевыми товарищами из горьких и легендарных сороковых годов.